

БИБЛИОТЕКА
КАЗАХСКОЙ
ПРОЗЫ

Габит МУСРЕПОВ

ЗОВ ЖИЗНИ

Габит
МУСРЕПОВ
ЗОВ ЖИЗНИ

Рассказы

Переводы В. Мироглова,
С. Куспанова,
А. Белянинова

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ,
ИНФОРМАЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Мусрепов Габит.

М 88 Зов жизни. *Рассказы.*

Астана: Аударма, 2003 - 64 стр.

ISBN 9965-18-066-0

Габит Мусрепов не нуждается в особом представлении. Имя его давно вошло в плеяду имен, украшающих литературный небосвод, а произведения - любимы и читаемы народом. Ведь в них воссоздана подлинная жизнь-до и после перемен, сотрясавших Казахскую степь и ломавших привычный уклад, традиции, быт. Но были и остаются неизменными великие ценности бытия, а отжившее не может преградить путь всепобеждающему зову жизни. Об этом и повествуют рассказы, включенные в сборник.

М 47022520-71
00 (05)-03

ББК 84 Каз 7-44

©Издательство «Аударма», 2003
ISBN 9965-18-066-0 © ООХКГ Казахстана, В. Логинов

ЗОВ ЖИЗНИ

Хмурые ползут над морем тучи, сырыми космами тумана льнут они к вспененным волнам. Нет конца и края им, нет конца медленному движению их. Но вдруг ветер, шальной и теплый, налетит с далекой земли. Сомнет он, раздвинет тучи, и глянет на сердитое неласковое море синими глазами весеннее небо.

Вдрогнет, изогнется сильным, как стальной прут, телом самец — Серый-Ярый, — из рыб породы Азат-Мая. серебряным мечом прянет над бурным морем навстречу солнцу и весенней сини.

В обычной, будничной жизни Серый-Ярый тускл, словно водоросль зимнего моря, но сейчас...

Пришло время яростно мчаться. Оттого блестят глаза и тело сплошь покрыто жемчужными пестринами. Как жгучую черноту неба пронзает падучая звезда, так мрачную синеву морской пучины пронзает сейчас Серый-Ярый.

Сегодня он плывет широким кругом. Он забыл про осмотрительность и осторожность, навсегда забыл привычные места для высле-

живаний и выжиданий. Он горд, он буен, он высоко прыгает, стремясь быть видным всем. Теплый ветер с земли сообщил ему великую тайну, синие глаза весеннего неба глянули в его глаза.

Пусть весь подводный мир смотрит на меня — говорит он всем своим видом. И нет у него больше робости и трепета перед широкими, острозубыми глотками хищников.

Вырывается на широкие просторы, куда прежде не ходил, Серый-Ярый. Самок-рыб породы Азат-Мая, живущих мирно под толстым льдом, он гонит, направляет к берегу, будоражит, торопит. Как орел, свободно парящий в высоком небе, затеял он великий полет.

Сколько раз подводный мир в страхе бежал от него, горя и оплакивая жертвы. Сколько раз он сам спасался от более сильных. В морских джунглях пощады нет слабым.

Но сегодня зубастые, изогнутые его челюсти плотно сжаты. Нет ему больше дела до слабых, нет страха перед сильными. Презрев все, словно объятый огнем и гонимый чудо-силой, он покинул тишину и сумрак дна, вышел в открытое море. Он мчится без усталости.

И вдруг заметил Серый-Ярый, что не один он рассекает морскую пучину. Все самцы одной с ним породы Азат-Мая взыграли, волнуя и взъяривая морскую глубину. Они тоже мчались, они тоже сверкали, они тоже трубили походную песнь.

Все больше и больше серебряных молний над морем, все больше блеска и сверкания.

Эти молнии зовут, увлекают самок-рыб, указывают путь великого похода. Они зовут к могучей реке, которая впадает в море далеко на юге.

Только ленивые, равнодушные самцы-кретины спокойны и выжидают время, чтобы примкнуть по пути к великому торжеству. Они еще пасутся у дна, слабо шевеля плавниками, и жмутся к седым от старости серым-ярым, которым уже нет дела до таких походов.

Не все еще готово к великому походу: есть беспомощные и слабые. Все это безразлично самцам-кретинам. У них забота только о своей утробе. Они даже не готовы к пути, они тускни, они не обновили своего наряда.

Серый-Ярый не позвал их в поход. Он пронесся мимо — сильный и гордый, полный презрения.

Похожие на камбалу, тупорылые, прятались среди лилий у дна морские коты, подстерегая добычу, выставив вперед ядовитые костяные шила. Тысячи хищнорылых обжор рады великому празднику. В суматохе они легко наполняют свое брюхо, покрывают свои ребра жиром.

Серый-Ярый не испугался их, промчался сквозь кровожадную свору. Кто может, кто посмеет схватить молнию?

И миноги готовят ловушку. Хоть и зовутся рыбами, но, как пиявки, тонки они, злы и коварны. Подкрадется, прилипнет к жабрам, и не оторвешься, не избавишься, так и тянется тонкой кишкой до пресных вод, до нерестилищ, и пожирает там свежую икру. Но не страшны сегодня миноги Серому-Ярому.

В дремучих подводных джунглях покой и тишина таинственные. Розовые, желтые, коричневые, слабо шевелят своими щупальцами морские звезды. И среди них сонно плавают, погруженные в свои заботы, самки рыбы Азат-Мая.

Огонь еще не охватил их тела. Им еще невдомек, что впереди их ждет великий путь. Брюхастые, готовые лопнуть от тяжести икры, они спокойны и безразличны. Краса предстоящего похода, буйного, искристого веселья разве не эти вислобрюхие самки?! В них будущее поколение Азат-Мая. Потом, когда дойдут они до пресных вод, до заветного места, разве жаль будет десятка прекрасных срых-ярых, погибших за одну из этих толстобрюхих?

Но рыбицы еще не воспламенились, еще не началась у них песня, не начались пляски. Они спокойны по-прежнему, они надеются на всезнающих, вездесущих самцов...

И Серый-Ярый понял, что пройдет еще немало времени, прежде чем безудержным своим полетом,

своей игрой и блеском удастся ему заразить самок жаждой похода.

О, эта песня лилась с вышины! Эта песня без слов всколыхнула холодные рыбы души. Это был огонь, сжигающий и в воде, это было таинство, чудо, оживляющее даже мертвых.

Серый-Ярый мчался, разбивая в осколки иоду, легко касаясь своим телом, алым жемчугом покрытым, самок. И они, словно объятые пламенем, вспыхивали в тот миг радугой.

Засверкало, забурлило под морем и над морем. Теперь уже никакая сила не могла остановить Азат-Мая. Все самцы и самки понеслись, помчались стаями и косяками в сторону нерестилища — реки. Вздогнуло великое море от великого похода. Раскачались, зацвели огненно-кровяным светом испуганные медузы. Чавыча и Нерка, Кижуч и Сима — рыба родня Азат-Мая — двинулись следом.

Молоденькие девицы со впалыми боками, без единой икринки, тоже было устремились имеее со всеми. Но никто не позвал их с собой Л как им хотелось участвовать в великом походе, упиваться общей радостью! Ведь поднимется косяк по реке, дойдет до мелководья, и помечут самки красную икру, самцы же обольют се белыми молоками. А сколько веселья

будет в многодневном пути! Окружат серые-ярые самок, засверкают клинками, оберегая их.

Серый-Ярый знает, о чем думают молоденькие девицы. Гонит он их в густые заросли, бьет. Не всякому дано глядеть на великое веселье...

Стараясь уमолить, смягчить своими чарами Серого-Ярого, шаловливо увиваются молодухи вокруг, но, испугавшись неприступно-лютого его вида, в страхе бегут в морские заросли. Они не могут нарушить закона природы.

Это прекрасно знают бурые от старости самцы. Они не трогаются в путь, не мешают остальным, лишь взглядом провожают отправляющийся косяк. Сколько раз, в молодые годы, проделывали они этот путь, сколько раз возглавляли поход! Теперь им даже неведомо, что происходит вокруг, только иногда блеснут глаза, словно отразится в них далекая зарница, и сейчас же погаснут под мутной поволокой старости, словно что-то забытое вдруг всколыхнется в рыбьей душе. Мир надежд им уже непонятен. Они все позабыли. Оттого и тянет их в глухие заросли, во мрак, к замшелым камням, где прилепились морские звезды, не умеющие плавать.

Не раз вставало над морем низкое северное солнце, не раз падало за край его, зажигая небо

весенней семицветной радугой, не раз опускалась над миром тьма, пока наконец самцы и самки достигли устья полноводной реки, впадающей в море.

Кеда ждала великий поход в узких речных протоках. Со всего моря сплылись, собрались здесь хищнорылые.

Они не утруждали себя погоней, а как собаки накинудись на косяк из засады.

Горечь бессилия охватила всех самцов породы Азат-Мая, всех серых-ярых. Ведь они страшны только на вид, но у них нет другого оружия, кроме быстрого, сверкающего, как мол- пни, движения.

И тогда, мчась взад и вперед, они собрали широко разбросанный косяк и упрямо пустились против течения, окружив самок плотным кольцом.

Теперь хищнорылые хватали серых-ярых, но караван упрямо поднимался вверх, все выше. И отставали хищники, возвращались в море. А десятки тысяч Азат-Мая неслись в едином порыве, и никто не отклонился в сторону.

Увлел всех поход, собрал воедино и властно погнал вперед. Серый-Ярый ведет, возглавляет косяк.

Ударилась вдруг сильные тела рыб о сети, расставленные ворами-браконьерами. Но разве есть на свете такая преграда, которая может

задержать поток жизни? Мчится он, сметая все на своем пути. Гибнут одни, другие идут вперед.

Есть ли на свете лучше песня, чем та, которую поет встречное течение могучей весенней реки?! Да разве может быть что-нибудь более сильное, чем единый порыв к великой цели?! Чувствуя это, выравнивался косяк и стремительными теньями неся в быстрых струях.

На другой день, перед восходом солнца, Серый-Ярый почувствовал, что скоро им встретится водопад. Давила в грудь упругая тяжесть воды, убыстрялся бег течения, и уже чудился грохот.

Заметался Серый-Ярый вокруг косяка, подгоняя слабых и нерадивых. Прынул он над водой и увидел белопенную трехметровую стену. Вода падала с высоких скал, тучи бриллиантовых брызг вставали к небу.

Заволновался косяк. И тогда снова метнулся Серый-Ярый, увлекая всех за собой. Расступилась спокойная выше перепада вода, поглотила его. Гордый, подплыл к тенистому берегу Серый-Ярый и стал поджидать свой косяк.

Первыми последовали примеру Серого-Ярого самцы, что плыли вместе с ним впереди. На миг показалось, что кто-то забавляется у водопада, бросая серебряные кинжалы. Взле-

тит вверх клинок, блеснет на солнце и исчезнет, вонзившись в воду.

Трудно приходится самкам. Раскачивает быстрая вода их вислые животы. Взмывают они вверх и, не долетев до гребня, падают на камни, и крутыми толчками вылетает из них драгоценная икра.

Те, кому не удастся с первого раза преодолеть водопад, отступают, чтобы снова взмыть и воздух.

Еще труднее приходится рыбам, к жабрам которых присосалась подлая минога. Как кони, испугавшиеся в поводах, бессильны они. Не только самок одолели миноги, но и ленивым, малоподвижным самцам приходится туго. Бьются в кровь об острые камни, теряют силы.

Серый-Ярый спокоен. Он не жалеет их. Серый Ярый не первый год в походе, он знает: к кому не преодолет преграды, тот не вернется и море. Зачем их жалеть? Погибающие находились в конце стаи, во всем и всегда они были последними. Плыли они толкаясь, суетливо тычась, и движения их были неприглядны.

А вокруг Серого-Ярого снова сгрудился весь косяк, играя. Самки, усталые, льнут под берег.

Дошли, наверное... Отдохнем...— говорят они всем своим видом.

Теперь уже через водопад летели редкие рыбы-одиночки. И снова заметался, сверкая

Серый-Ярый, снова повел вперед подвластную ему армию.

Два дня и две ночи шел косяк по реке. Исчезла тяжесть воды, что давила на грудь и сжимала бока. Бледная, вставала над миром ранняя заря.

Серый-Ярый, шедший впереди, словно убеждаясь в чем-то, одному ему известном, излетел вверх и, разбивая тяжелым телом спокойную гладь реки, радостно выиграл. Он узнал знакомые места. Здесь каждый год метали икру самки его породы Азат-Мая, здесь когда-то родился он.

И тогда, переполненный радостью, счастьем и ощущением силы, Серый-Ярый стал врываться в гущу косяка, ломать строй, словно хотел сказать самкам: «Дошли... Здесь остановка... К делу...» Все самцы заиграли, запрыгали.

Здесь было потаенное царство тишины и покоя. В большую реку впадала малая, выстилая дно желтым бархатом песка п мелкими камнями. Сюда вошел косяк, и разбрелись по мелководью усталые рыбы.

Но ни одна из самок не искала покоя и корма, и не погас праздничный блеск в глазах серых-ярых.

Встав головами против течения, среди мягкого песка и цветных камешков, стали они рыть ямки, круглые, как блюдца.

Из студеного моря шли Азат-Мая, спасались от хищнорылых, рвали сети и бились об острые камни у водопада для того, чтобы излить икру вот в эти ямки, в устье этой тихой далекой реки, где родились сами, где можно дать жизнь своему потомству. Оттого и спешат они завершить приготовление к великому таинству, оттого забыли про голод и усталость.

Гордые самцы-красавцы серые-ярые вьются рядом, стерегут самок от опасности. И, если кто обессилел, они бросаются на помощь.

Два дня и две ночи усталые, исхудавшие в пути рыбы делали свое нелегкое дело, а когда пришло время...

Золотисто-красные икринки полились в ямки, как падающие звезды. Серые-ярые, соблюдавшие до этого порядок похода, теперь словно обезумели. Они бились друг с другом, стремясь облить икру только своими молоками.

Яростную, беспощадную битву затевают орлы в вышине, люди на земле, рыбе же царство вершит ее под водой. Серые-ярые опьянели. Глаза их не видели, уши не слышали. Десять дней, десять ночей длилась великая битва.

Нее забыли умные и мудрые серые-ярые. Все дни похода думали они о потомстве, охраняли косяк, но сейчас... Над ямками, полными нежной икрой, бьются они, брызжа упругими молоками, показывают ловкость и отвагу. Но

все чаще чудится в их движениях усталость — все отдали они ради будущего. И уже плывут от тенистых берегов самцы, которые терпеливо выжидали, не участвуя в великой битве любви, предоставив другим участвовать в ней.

Млея от сладостного чувства, они жадно глотают золотистые зерна и, сыто подергивая хвостами, обливают остаток икры своими молоками. Они не умеют драться, мериться по- мужски силами. Они приходят после того, когда устают другие. Они довольны, они счастливы. И в яростной схватке мерзавцы жиреют.

А когда кончилось великое торжество, когда кончился огненный танец любви и все ямки были покрыты песком, увидел Серый-Ярый, что выбились все из сил Многих не досчитался он. В пути погибли одни, другие, отдав себя до конца, качались на волнах с незрячими глазами. Но их потомки — много миллионов — лежали в песчаной колыбели, и чистая вода, лаская, омывала их. Через полгода заиграет у золотого светлого дна, заснует трепетная молодежь. Как школьники, с желтой сумочкой на боку, поплывут по прозрачной воде.

Сильно исхудал, ослабел за месяц похода Серый-Ярый. Потускнели, потухли глаза, движения вялы. Едва плывет он вдоль берега. Невзрачен внешний вид его. Даже в ледяном северном море был он полон огня и силы, а сейчас, в теплой,

ласковой реке зябко вздрагивает он телом. Проглотил немного пищи, и клонит его в сон.

Но недолго туманит голову Серому-Ярому усталость. Он знает, нет в реке столько пищи, чтобы прокормить подвластный ему косяк. Может случиться страшное: изголодаются рыбы и самые слабые разроют заветные гнезда и станут пожирать икру. Это горе пережил он не раз. Сейчас уже никто не насытит самок с провалившимися пустыми животами, только безбрежное щедрое море с его тенистыми джунглями может спасти.

Почувствовал все это Серый-Ярый и поплыл размашисто, кругами, обходя дозором косяк свой. Не песня походная была на сей раз в движениях его, другую песню пел он, полный великой любви и тревоги за потомство. Сильна и захватывающая была его новая песня.

Ожил косяк, и стали собираться по всей реке рыбы породы Азат-Мая, и снова, подчиняясь зову вожака, поплыли они за ним. Другие самцы, почуяв, что задумал Серый-Ярый, погнались, заторопили косяк в сторону моря.

Голубая луна кудрявит гребни волн, но не сверкают больше над ними серебряные клинки играющих рыб. Темна речная глубь, и торопливо, течением подгоняемые, дружно несутся к морю быстрые тени. Только самцы изредка обходят косяк, стерегут его от врагов.

У водопада, что все так же гремел валами и грыз камки, остановился Серый-Ярый, пропуская мимо себя косяк. Шли мимо усталые, свершившие великое дело рыбы, и он с грустью смотрел им вслед. Другим суждено отвести их в море.

Он повернулся головой против течения и медленно, преодолевая усталость, поплыл назад, к заветным ямкам. Ласкала ночная река, лунное серебро текло навстречу, звеня на камнях. Не покой, а тревогу несли с собой беспокойные струи. Вечная тишина стояла над миром. словно и не было совсем недавно радостного торжества и не волновалась морская и речная глубь от огненного танца любви.

Но знал Серый-Ярый — не кончена радостная песня. Он плыл назад, чтобы уберечь, выпестовать потомство, а когда придет время, привести миллионы новых серых-ярых в глубокое море, чтобы, повинувшись вечному зову жизни, повторили они через много лет великий поход, чудесную песню...

1963 г.

СКАЗАНИЕ ОБ ОРЛАХ

Ержан настойчиво звал уходящего орла:

— Кял, кял, кял!

Он выкрикивал это по-своему, по-ержановски, и короткий окрик, чуть в нос, был понятен только ему и его орлу, и мало кто разгадал бы в нем обычное «ксл» — иди.

— Кял, кял! Кял!

Орел не пошел к хозяину и даже не оглянулся. Он легко набирал высоту. Для него не существовало ни Ержана, ни шустрого зайца, которого он успел заметить, едва освободившись от кожаного наголовника — томати. Внезапно он подобрал крылья и камнем стал падать. Охотнику показалось — орел вот-вот расшибется об острые скалы. «Куда тебя понесло, что тебе привиделось? — беспокоенно думал Ержан. — Может быть, лиса? Или волк?» В последние дни — охотник только теперь сопоставил это — орлу было не по себе, и он вел себя загадочно, будто одержимый какой-то тайной страстью.

Подгоняя гнедого, Ержан направился в горы, туда, где метался его орел. А может быть, это уже не его орел?.

На тропе лежал глубокий, по грудь коню, снег.

— Эх, ушел, ушел!..

Ержан хлестал гнедого, который увяз в плотном, чуть дымящемся сверху сугробе.

— Кял, кял, кял!

— Кял, кял, кял! — отозвалось чуткое эхо.

А ведь только позавчера Ержан привез с охоты двух красных лисиц — обе шкурки просто полыхали, это был так называемый алтайский отсвет. Солнце заставляло играть пушистый мех, и сквозь густое червонное золото на боках проступали белоснежные штрихи, а ноги отливали чернотой. Все радовались его редкостной удаче: четырехлетняя дочка охотника вся сияла, примеряя на шею мягкий, как пух, лисий хвост; двухлетний Есентай громко хлопал в ладоши и требовал лисьих почек на обед (привык, что ему достаются почки зайцев и баранов). Соседи прибежали, поздравляя с алтайскими красными. Соседи желали Ержану такой добычи, которая бы по своей ценности не уступала сказочному вознаграждению, состоящему, как известно, из девяти частей, и одна лишь из них — три косяка лошадей! И пусть в юрте Ержана всегда пахнет свежей кровью, и пусть никогда не переводится жирное мясо!.. И по

старым, и по новым законам охотнику грешно пользоваться добычей в одиночку. Время было трудное: на исходе длинной зимы толстый становится тонким, а тонкий — похожим на тень. И все равно — Ержан устроил званый обед: был бесбармак, была водка (без нее теперь даже в ауле не обходятся), были разные лакомства: курт, сахар, конфеты.

— Твой Шапшан¹ — настоящий орел, всем орлам орел!

— Ну и везет же нашему Ержану в нынешнюю зиму на лисиц... Верно, уже за двадцать перевалило? А, Ержан?

Ержан скромничал:

— Ну, до двадцати, положим, еще далеко... Трех не хватает.

Но похвала была ему по душе, и он спешил наполнить стакан соседа, сказавшего эти слова.

— Что может быть лучше охоты с беркутом? Недаром же ее воспел сам Абай. Помните?..

— Как же не помнить! Там у него сказано: когда мощный беркут сминает на снегу красную лису, то видишь дивное сочетание красок и мужественные резкие движения...

— И невольно представляешь, как купается румяная белотелая дева и как она косы отжимает на берегу.

— Абай знал, как сказать... А ведь есть что-то абаевское и в нашем Ержане,— вставил свое

мнение другой сосед, и все вспомнили, как в свое время их радушный и щедрый хозяин ради охоты наотрез отказался от должности заведующего фермой.

За такие лестные слова нельзя было не наполнить стаканы, и Ержан опять потянулся за бслоголовкой.

Их разговор, ставший уже немного беспорядочным, внезапно нарушил орлиный клекот.

Что это случилось с Шапшаном?¹.. Орел сидел на своем обычном месте, в холодных сенях, за перегородкой. Засыпал он рано, еще до наступления сумерек, а вот сегодня, несмотря на поздний час, никак не хотел успокоиться. Трудно было судить, что могло вывести его из равновесия: или эти редкие алтайские красавицы, в честь которых сейчас собрались люди в доме Ержана, или в нем пробудилась досада на свою неосмотрительность, из-за которой он однажды упустил волка... Но, так или иначе, орел ерзал на своем пне, бил крыльями о дощатую перегородку, чугунным клювом пытался раздолбить цепь на ногах. У него был приступ тоски. Он тосковал по свободе, его жгло желание взметнуться в небо, он хотел стать свободным и независимым...

Но ничего этого ни гости, ни сам Ержан не поняли. Они решили, что просто Шапшану не

терпится снова на охоту, и он с помощью аллаха добудет еще не одну красную лису. За это снова пришлось налить.

Ержан проводил гостей, вернулся, прошел в спальню и сказал жене:

— Уложи Есентая... Да и тебе самой пора.

И Ержан вновь отправился на охоту.

Жена предупредила его, что на ужин особенно не приходится рассчитывать, если он не привезет ей зайца, а лучше — двух. И поэтому, когда Ержан наконец увидел лопухого беляка, выскочившего из кустов, он сразу снял с головы Шапшана колпак и резко толкнул его в ту сторону, куда кинулся бежать заяц.

И вот Шапшан, вместо того, чтобы камнем упасть на добычу, стал уходить от своего хозяина.

— Куда же он подался?

Если бы орел заметил зверя более видного, чем заяц, пора бы ему кинуться, высоту он набрал достаточную. Но Шапшан и не помышлял об этом. Он был один на один с чистым небом, он был свободен, и ничто больше его не занимало. Он то взмывал, сливаясь с бездонной синевой, то камнем кидался вниз, то делал плавный круг в сторону. Порой он складывал крылья и начинал падать вниз, но тут же резко поворачивал, подставляя грудь встречному морозному потоку. Только мелькали в воздухе его огромные крылья.

— Кял, кял, кял!

Но Шапшан был глух к тревожному зову хозяина. Он увидел наконец то, что не давало ему покоя все эти дни, чего он так жаждал в неволе. О том, что так случится сегодня, он знал, хорошо знал, когда еще сидел на гнедом коне, покрытый томагой.

О том, что так будет, говорило вес: и ясный морозный день, и чудом услышанный звук невидимых крыльев, и сердце, которое не может не заставить быть орлом, если оно действительно орлиное, и молодость с ее огненной энергией, искавшей себе выхода.

То, что заставило верного орла забыть про все земное, заметил теперь и Ержан. И все понял. На большой высоте, доступные лишь зрению охотника, летали три орла: двое из них беспечно играли, а третий — постарше — держался несколько в стороне. В свое время он так же смело кидался на самых сильных сородичей, теперь же спокойно парил и сдержанно любовался игрой молодых.

А игра только начиналась. Шапшан понял это сразу, с первого взгляда, но вступать в нее пока воздерживался, и лишь однажды, когда игравшие налетели друг на друга так близко, словно готовились броситься в объятия друг другу, он не выдержал: бурей пронесся над ними.

«Силен! Горд! Напорист! А на ногах что-то такое сверкает, никогда ни у кого не видела»,— подумала орлица, невольно любуясь незнакомцем. Горячась, она залетала очень высоко, с удовольствием подставляя грудь ледяной стуже.

С орлом из породы таскара¹ она встретилась на рассвете, когда вылетала из душного бора. Тогда черный привлек ее внимание. Играя, они поначалу держались на небольшой высоте. Потом, присмотревшись друг к другу, стали забираться все выше и выше, и Таскара временами плохо поддерживал предложенный ему орлицей бурный темп.

Мир — и широк, и тесен для орлиного племени. У него и друзей много, и врагов хоть отбавляй. Поэтому нужно такое потомство, которое не боялось бы ни сибирской стужи, ни азиатского зноя. Такое потомство, которое не принималось бы дремать после первого же сытного обеда. Такое, которое не довольствуется сурком и не затаивается у мышиной норки, хоть оно и сподручней, и не требует никакого риска. Это орлы знают от рождения, знают без каких-либо умственных усилий. Это у них от природы. Вот почему орлица, пока не изучит как следует, ни за что не подпустит к себе будущего отца своих орлят. Брачному союзу предшествует долгое

¹Таскара — каменный, черный

состязание. И если орел покажет себя низменным, мелким, то пусть не ждет пощады: орлицы умеют постоять за себя, и тогда иной Таскара валится на землю с разорванным зобом.

Хоть Таскара иногда и хитрил, отставая от нее, все же орлица пока не осуждала его, продолжала игру. Справедливости ради надо заметить, что она держала в поле своего зрения и внезапно появившегося незнакомца.

Уже вечерело, но Шапшан все еще летал — просто так, в свое удовольствие, появляясь внезапно и внезапно исчезая. Раза два он подлетал к орлу, который по-прежнему держался поодаль. Летая с ним в паре, Шапшан вел себя скромно и уважительно:

- Ассалаумагалеюкум, аксакал! Вы летаете безупречно. Отчего же все время уходите в сторону?

- Оттого, милый, что мое время прошло, и я люблюсь своей сменой, люблюсь ее полетом, хочу разгадать ее помыслы. Я по себе знаю: каждый должен назначить себе высоту, которой он стремится достичь. Но даже если ты не достигнешь ее, все равно — пусть осенит тебя высшая цель: пусть не позорят тебя низменные страсти, даже если ты и заберешься высоко. Запомни: всегда и во всем нужно быть достойным своего орлиного звания... Вот этого я тебе и желаю, мой друг. Будешь поступать так, как я говорю, — поймешь, что значит подлинная высота.

Не словами, разумеется, все это было выражено, но орлы поняли друг друга. Старик показался Шапшану немного назидательным, но это можно было понять, если учесть его возраст.

И тут хвастливый Таскара, желая блеснуть удалью, допустил оплошность. Он вздумал напасть на старого орла! С высоты он легко развил скорость и ринулся вниз, на старика, целясь ему в горло: не жди пощады!

Но старик и не думал ее просить. Грозно блеснув глазами, он выставил заскорузлые, словно из витой стали, когти и приготовился к решительной схватке: только подойди! Когтистым и мускулистым, опытным в битвах оказался старый орел, и лихач не выдержал, метнулся в сторону, метнулся так, словно и не собирался ни на кого нападать!

Такой исход не понравился орлице. И не потому, что она желала чьей-либо крови. Кровь ни к чему во время игры смелых и мужественных. Нет, она жаждала смелости. Щедрости и широты. Чем больше этих качеств у орла, тем милее он ей. Молчаливо осудив Таскара, она полетела прочь, вдоль гор, к востоку. Зачем надо было приставать к мирному старику? А если уж пристал, то где же твое мужество? Трус не может стать спутником орлицы. Она повернула в сторону и пошла — непринужденно, стремительно. Таскара с трудом по-

спевал за ней. До этого было просто: небольшие круги, на высоту забирались лишь однажды,— словом, полет был не из утомительных. Другое дело теперь. Теперь началось самое трудное — испытание на дальность. Воя в морозном инее, орлица не замечала ни стужи, ни яростного сопротивления встречного потока.

И скоро Таскара отстал, ему оказалось не по силам лететь в паре с юной и сильной красавицей. Утешало его одно: где-то, едва поспевая за ним, летел старый орел

Орлицу, которая теперь оторвалась ото всех и летела в одиночестве, легко нагнал Шапшан.

— Здравствуйте!..

Орлица сдержанно ответила, и они полетели рядом. У них одинаково белели от инея плечи.

— Что это у вас на ногах?— поинтересовалась она.

— Называется — путы...

— А что это блестит?

— Медные кольца.

Не сговариваясь, орлы дальше летели вместе. Присматривались друг к другу. С удовольствием отмстили: одинаковые взмахи, одинаковое дыхание, одинаковая скорость. Редкая и завидная слетанность! В морозном воздухе звенели крылья. А холод — не страшен, их грела горячая кровь, звавшая дальше, выше, туда —

к солнцу. Безумной скорости орлов завидовал свистевший в крыльях ветер.

К заходу солнца они выбрали ночлег — ветвистую, в два обхвата старую сосну. Выбрали после долгого и тщательного облета гор в густом бору. Уселись рядом, чутко следя друг за другом.

— Что, если здесь сошьем наше гнездо?

— Гнездо? Наше?— Она удивленно приподняла крыло.

— Эти толстые ветки особенно хороши для гнезда — стоит натаскать прутьев... Да и крона густая, она защитит наших птенцов от дождя и ветра, укроет от посторонних глаз...

— Не зря ли вы так стараетесь?.. Ведь еще неизвестно, что я думаю на этот счет...

Тут в бору появился черный лихач, про которого они и думать забыли. В нем, оказывается, все еще жила надежда, и он очень хотел пристроиться рядом с орлицей, но не решился: та неодобрительно задвигала плечами, а у Шапшана глаза вспыхнули черным, недобрый пламенем. Таскара засуетился, неуклюже запрыгал с ветки на ветку, пока наконец не примостился на высоком суку. Там он справился со своим смущением, и к нему опять вернулась обычная самоуверенность. Красивая поза должна была загладить недавнюю неловкость, показать, что он равнодушен к орлице, от которой бы и не

отстал вовсе, если бы только захотел и дальше ее сопровождать.

Прилетел и старик. Тому не было дела до молодых, и он устроился отдельно. Не всякая ветка выдерживала его грузное тело. Он усаживался долго и не спеша, как обычно раздевается старый человек, пришедший с мороза. Наконец старый орел нашел подходящую ветку и затих.

Притихли и молодые, они неподвижно застыли в ожидании утра. Ночь, темень — не для орлов. Им нужен свет и простор.

Первым проснулся старик. Заскорюзлые когти зудели — чуют добычу,— и он не мешкая отправился в степь, надеясь раздобыть если не зайца, то хотя бы песчаника.

— Полетим?— встряхнулся Шапшан.

— Полетим!— его бодрость передалась орлице.

Разминая занемевшие за ночь тела, орлы летели вместе: орлица посередине, Таскара и Шапшан — по бокам. Орлица не гнала черного, хотя и испытывала влечение только к Шапшану. Видимо, небесные красавицы тоже не прочь иметь поблизости лишнего поклонника.

К обеду тройка была уже далеко от места ночлега: внизу мирно простиралась степь. На небе не было ни облачка. Вдруг, приглашая начать игру, орлица взметнулась вверх. За ней

тотчас же бросился Таскара. Не сбавляя скорости, орлица продолжала подниматься. Неожиданный маневр застал Шапшана врасплох. Но, несмотря на это, он без труда обогнал соперника и помчался дальше. А Таскара догнал и опередил орлицу. Та, казалось, не замечала ни того, ни другого. Она то круто взмывала вверх, го камнем бросалась в бездну.

Подзадориваемые орлицей, соперники начали поединок. В то время, как Шапшан делал большие заходы, ведя честную игру, Таскара хитрил: не залетал так далеко, как его противник, норовил напасть неожиданно.

Хитрить в игре вообще-то не возбраняется. Но, если вся ваша хитрость сводится только к уклончивости (а Таскара, постоянно уклоняясь от единоборства, даже пытался спрятаться за орлицей!), то этого орлы вам не простят. Поведение соперника разозлило Шапшана. И он, выждав очередной ложный заход, мгновенно лег на правое крыло и с ходу бросился в атаку. Железный удар пришелся тому слева и сверху. С подбитым крылом Таскара кое-как дотянул до земли, где сидел старый орел. На обед у него сегодня был пойманный незадолго до этого песчаник.

Теперь уже сердце орлицы безраздельно принадлежало Шапшану.

Орлы, если они настоящие орлы, играют открыто, не таясь ни от кого — ни от сплетников, ни от завистников. Их не смутит ни подглядыванием, ни подслушиванием. Потому что они играют не ради забавы, а ради продолжения рода гордых, смелых и благородных.

Задорная игра, которую затеяла орлица, захватила Шашана. Играли они с упоением, страстно и пылко, то далеко отлетая друг от друга, то сближаясь вплотную, готовые броситься в объятия друг другу, и снова отдаляли это мгновение.

Поздно вечером, прилетев на ночлег ко вчерашней сосне, которая теперь принадлежала им, им двоим, они уже не спорили о том, где и как строить гнездо.

Двое птенцов, вылупившихся весной, окрепли, и родители озабоченно подумывали об их первом полете.

Целых сорок дней, отдавая все свое тепло, высиживала орлица два пестрых яйца. Неподвижное сидение истощило ее. Но не беда, что она так похудела — кожа да кости,— еще нагуляет жир; не беда, что крылья плохо подчиняются,— еще разомнутся и окрепнут.

Завтра чуть свет она отправится на озеро — выкупается. И напьется вволю. Она была счастлива от сознания, что дни, когда приходилось довольствоваться пушинками снега и каплями дождя, остались позади.

Время шло, орлята росли и мужали. Глотали дымящиеся теплые куски мяса. Ревниво озираясь друг на друга, пили свежую заячью, лисью кровь. Дрались между собой. Словом, становились настоящими орлами.

Менялась и сама орлица. Прежде, когда она высиживала яйца, у нее не было никакого другого чувства, кроме материнского: она была холодна с Шапшаном, но теперь птенцы начали мужать, и она снова признала его — отца своих детей — и становилась с ним все нежнее. Теперь у них как-то само собой возникло одно желание, тоже воспитанное в родителях мудрой природой: поскорее бы птенцы познали жизнь и испытали бы горечь неудачи. Зима не за горами — успеть бы научить их жизни. Скорее бы увидеть, когда они наконец поймут: то, что они едят здесь, в гнезде, бегают на четырех ногах в степи, в горах, и зайцев, сурков, лис приходится добывать самостоятельно. Скорее бы поняли, что все дается в труде и борьбе...

Отец и мать ждали осенних штормовых ветров, чтобы выпустить орлят в первый полет. Надо вытолкнуть птенцов из уютного гнезда, а сильный ветер подхватит их, завихрит и закружит — невольно полетишь! Посмотреть бы тогда на птенцов, послушать их тревожный клекот. Или, не дай бог, начнут беспомощно пищать? Вот что заботит орлов. Они так жаждут

увидеть своих птенцов орлами, они так хотят услышать их первое клекотание.

Осень с ее сильными ветрами не заставила себя ждать. Орлице не терпелось выпустить детей, но Шапшан был неумолим — ждал настоящей бури. Что можно сравнить с ураганом, который рушит все подгнившее, сносит все отжившее, который очищает лес от всей трухи, от всего застоявшегося! И пусть твои птенцы начнут свой первый полет именно в такую бурю!

В ожидании Шапшан сам не знал покоя и не давал покоя орлятам. Решительно отстранив мать, он весь день гонял их по просторному гнезду: заставлял махать крыльями, вынуждал цепляться за ветки — пусть натрудят себе мышцы, пусть будут цепкими, пусть крепнут их крылья.

Наутро ветер достиг штормовой силы. Чуть свет Шапшан прерывистым криком позвал орлицу:

— Ну как, выпустим?

— Выпустим.

Сначала они облетели гнездо, размялись. Затем вернулись к орлятам и вытолкнули их против ветра. Толчок был необычный, не из тех, к каким они привыкли. Послушно, еще не понимая, что их ждет, орлята нырнули в бушующее небо. Их подхватил ураган. Орлята взлетели.

Взлетели просто, ничем — ни клекотанием, ни писком — не выдавая своих чувств. Только горели глаза, суровые и смелые, точь-в-точь отцовские. Суетливые поначалу, они становились теперь спокойнее, увереннее. Теперь они смело парили среди бури, выражая радость неожиданным для них самих торжествующим звуком — орлиным клекотом.

— Ух, как хорошо летать! А как велик мир! Отчего мы не знали об этом прежде? Отчего мы так долго сидели в гнезде? А буря? Как хороша эта буря! Она кого хочешь научит летать! Нам бы еще долго топтаться в гнезде, если бы не она, буря! Буря нас вознесла к небу! А теперь ... выше и выше — какая радость, какое счастье — летать!

Отец и мать слушали своих птенцов, и родительская тревога начала рассеиваться. Опасаться нечего. Их дети выдержали свое первое столкновение с бурей.

И они взмыли вверх, чтобы лететь вместе с орлятами.
1967 г.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Секретарь райкома второй раз напоминал мне:

— Ты что же?.. Ты бы поторопился с поездкой в тот аул. Не понимаю, чего тут тянуть!

В его голосе звучало беспокойство, и я не стал оправдываться. Он без того знал, что меня держат занятия, которые я веду в Боровском лесном техникуме. Знал — и все же настаивал

Месяца четыре назад на самой окраине района шесть или семь аулов объединились и стали называться — колхоз. Слово было новое, и дело было новое. И у нашего секретаря никак не укладывалось в голове, почему все там против того, чтобы принять своих соседей из аула Жанбырши. Тем более, что "тот аул", как мы называли его между собой, владел лучшими землями.

По рассказам выходило, что его обитатели тоже не проявляют особого нетерпения и пока не собираются увеличивать процент коллективизации в районе. Может быть, дошли до них разговоры о колхозе, где все люди должны носить одинаковую одежду, должны спать под общим одеялом, укладываться и вставать —

одновременно, по команде... Или хоть бы жили богато, тогда бы все можно понять! Но инструктор, ездивший к ним, застал там неприкрытую нищету — и все равно ничего не добился. На все его увещевания в ответ раздавалось: "Да свершится то, что предназначено Аллахом".

Рассчитывать на Аллаха секретарь райкома не мог, и поэтому мне пришлось прервать лекции.

От Борового до Жанбырши — путь не близкий. Я решил, что удобнее проделать его не верхом, а в телеге, на мягком сене. Но тут была одна загвоздка. Не так давно я не удержался и купил вороного мерина, четырехлетку: голова серпом, горбоносый. Под седлом шел легко и проворно, а со стороны взглянуть — было в нем то изящество, которое без всяких слов отличает хорошего коня от жалкой посредственности. Меня даже не остановило, что у него была короста. Я рассчитывал ее вылечить.

Настоящий степной конь — к седлу приучен, но стоило заложить его в упряжку, он мгновенно начинал пятиться назад и как-то ухитрялся в оглоблях кружиться на месте, словно больной вертячкой. В поездке я надеялся отучить его от дурной привычки. Одному сделать это было трудно, и я пригласил с собой двух ребят — студентов техникума.

Намучились мы порядком, но все же трое молодых парней оказались умнее и сильнее своенравного мерина. Солнце пошло на закат, когда появились уголья аула Жанбырши, и я убедился: утверждение, что этот аул владеет лучшими землями, — не пустые слова...

Малонаезженная дорога вела по густым ковылям. После жаркого дня их влажное дыхание приятно холодило лицо. Вдали полукольцом синели рощи, оберегая от суховея все урочище. По пути попадались озера, и тогда ветер, дувший в спину, запутывался и утихал в сплошной стене камыша. Казалось, этот уголок нарочно был создан для того, чтобы лишний раз подчеркнуть неповторимость, красоту и приволье нашей степи.

Впереди я увидел сильно поредевшую березовую рощу. Издали казалось, что там, вплотную к деревьям подступили несметные полчища тли. Но стоило подъехать ближе, и взгляду предстало то, что было на самом деле: приземистые землянки, оплывшие от дождей и потревоженные ветрами.

Зимовка аула Жанбырши встретила нас полной тишиной, и мы отправились дальше. Вскоре открылся просторный лог. В буйной зелени чернели юрты, десятка полтора. По дороге стали попадаться лошади, ходившие без привязи, коровы паслись — по две, по три, куч-

ками разбрелись овцы и козы. Первое, что бросалось в глаза, — как же они отощали! Какие-то живые скелеты, обтянутые кожей... А ведь минувшая зима была милостива к скотоводам. Их табуны, стада и отары вышли на весенние пастбища в хорошем состоянии.

Мы въехали в небольшой аул, продолжая удивляться и строить разные предположения, почему же здешний скот выглядит так, словно едва уцелел после жестокого джута.

Одни девчонки, прислонившись к войлочным стенам юрт, лениво наблюдали за нашим приближением. Та из них, что была постарше, безразлично зевнула и босой ногой почесала щиколотку другой ноги. Не было тут ни одного мальчишки, который непременно попытался бы прицепиться сзади к телеге и которому пришлось бы пригрозить кнутом.

На пригорке посередине аула неподвижно сидели мужчины, человек восемь или десять. Неподалеку от них я и натянул вожжи, и мерин, порядком уставший от борьбы, которая велась с самого утра, покорно остановился.

День был по-настоящему теплый, но все мужчины сидели, нахлобучив тымаки-ушанки. Из ушанок клочьями торчала шерсть.

Мужчины давно заметили появление чьей-то чужой телеги, но по-прежнему хранили гордое, независимое молчание, только чуть повернули головы в нашу сторону.

Несмотря на все их высокомерие, надо было начинать знакомство. Я подошел и протянул руку первому с краю.

— Нет, нет, айналайн¹! — запротестовал он и еще глубже засунул руки в рукава оборванного халата. — Не со мной... Сперва полагается поздороваться с нашим аксакалом! — И он кивнул в сторону старика, который беззвучно шевелил впалым ртом, казалось, слова застревают у него в бороде, наполовину седой, а наполовину — рыжей.

Старик, исполненный чувства собственного достоинства, поднял голову мне навстречу:

— Уагаляйкум ашшалам!..

И снова замолк. Старику, как видно, не приходило в голову, что его надменная осанка не вяжется с беспомощным шепелявым "уагаляйкум ашшалам", с дырявыми юртами, с тощим скотом, который мы встретили, подъезжая к их аулу.

Надо было здороваться дальше, и я повернулся влево, но моя протянутая рука повисла в воздухе.

— Нет, поздоровайтесь с тем, кто сидит справа от уважаемого Атекс...

Сообразив, что рыжебородый — и есть Атеке, я подал руку бородатому человеку — бородатому, но безусому. Он звучным голосом,
'Айналайн — дорогой, милый.

раскатистым, как у муллы, привыкшего нараспев выкрикивать молитвы, ответил мне:

— Уа-га-ляй-кум а-са-лям!

Я хотел было продолжить в этом же направлении, и опять невпопад.

— Не туда, не туда, — поправил меня распорядитель. — Теперь — по старшинству :— надлежит подать руку тому, кто сидит слева от Атеке...

Я пересекал круг, соблюдая строгую очередность в приветствиях, и пока я это делал, прошло столько времени, что его вполне бы хватило целому аулу собраться в дальнюю перекочевку.

Наконец все руки были пожаты, и Атеке прошамкал:

— Кораш, ты потеснись... Для молодого гостя это место будет самое подходящее.

Кораш недовольно поморщился, но послушаться он не смел и немного подвинулся — ровно настолько, чтобы я мог втиснуться рядом с ним.

О, Аллах всемогущий! Смешно и грустно было видеть этих надутых спесью людей, которые даже здесь, под вольным весенним небом, чванились и не позволяли ни себе, ни другим сесть свободно. О таком неукоснительном соблюдении древних обычаев я знал только по рассказам, а в жизни не встречал — ни раньше, ни позже.

— Пусть счастлив будет твой путь, юноша, твой и твоих достойных товарищей, — обратился ко мне аксакал.

— Да сбудутся ваши пожелания, — почтительно наклонил я голову, приложил руку к сердцу, и робко начал: — Мы приехали в ваш аул, чтобы...

Но Атскс не дал мне договорить:

— Пока достаточно и того, что ты сказал: "Да сбудутся ваши пожелания". Об остальном ты расскажешь нам, когда наступит для этого время.

Мне оставалось только еще раз наклонить голову и еще раз приложить руку к сердцу.

Атеке уселся поудобнее и начал расспросы, с которых обычно начинается в степи всякое знакомство.

— Скажи нам, — а какого ты рода?

— Я — керей.

— Из каких кереев?

— Из кзылжарских, Атеке.

— Все ли в порядке у вас? Не терпите ли бедствия или нужды в чем-либо?

— Когда мы выезжали, все было благополучно.

— Слава Аллаху, всеблагодарному и всемилостивому, — добавил он за меня. — А выехали вы сегодня откуда?

— Из Борового.

— А-а, из Бурабая, — поправил он. — И где же кончается ваш путь?

— Здесь, в вашем ауле, Атеке.

Старик неторопливо обвел взглядом всех собравшихся мужчин, ни одного не пропустил. Он советовался с ними, как поступить, и, видимо, прочел согласие в их ответных взглядах.

— Есенгельды! — обратился он к тому, с кем я по неразумению хотел поздороваться первым. — Отведи приезжих юношей в большую юрту для почетных гостей. Их место — там...

Его поддержал безусый бородач, тот, что сидел справа:

— Верно говорит наш Атеке... Если они ехали к нам, то место их только в большой юрте.

Но и при его словах Есенгельды не поднялся с места. Видно, полагалось, чтобы еще кто-то что-то сказал.

Я не ошибся.

— Наш Атеке прав. Отведи приезжих юношей в большую юрту... Их место — там.

Распоряжение старика слово в слово повторил мрачный густобровый мужчина, глаза у него были расставлены так широко, что казалось, будто они смотрят с висков. Он произнес это и снова застыл, как изваяние.

Но, по всей вероятности, его голос имел решающее значение, потому что Есенгельды тотчас поднялся и торжественно изрек:

— Молодые друзья! Пойдемте, я провожу вас в большую юрту, туда, где мы принимаем почетных гостей.

Мы последовали за ним, все трое. Мои молодые смешливые ребята еле удерживались, чтобы не расхохотаться во весь голос. А мне приходилось еще труднее, чем им. Улыбнись я — хотя бы чуть-чуть, хотя бы уголками губ, и они бы разошлись вовсю, и наше дело оказалось бы безнадежно испорченным.

Чтобы этого не случилось, я завел серьезный разговор с нашим провожатым.

— Есеке! Время еще раннее. Нам бы хотелось сегодня поговорить о деле, которое привело нас к вам, в Жанбырши. Как вы думаете, когда мы сумеем это сделать?

— На все установлен свой порядок, — отозвался он. — У нас в Жанбырши Атеке сам позаботится о ваших делах. Он спросит: а с чем вы пришли к нам? Тогда и расскажете.

Оставалось одно: подчиниться этим незыблемым правилам и покорно следовать за Есенгельды. Вид у него был важный, словно он являлся посланником какого-нибудь султана! Есенгельды, как, впрочем, и остальных его сородичей, ничуть не смущало, что он мало

подходит для этой роли. Из его старой шапки — на забаву ветру — ключьями торчит верблюжья шерсть, а черная юрта, по направлению к которой он нас вел, обтянута ветхой кошмой.

Он намеревался широко распахнуть перед нами дверь. Но дверь висела на одной верхней петле и подалась с тягучим скрипом, подрыв при этом землю у входа.

— Добро пожаловать! — сказал Есенгельды и уставился на меня немигающими глазами.

Смесь былого величия и крайнего оскудения — вот что я увидел внутри. Начать с того, что вся юрта светилась. У самого последнего пастуха мне не приходилось встречать такой кружевной кошмы. Его жена давно бы наложила заплаты на все эти зияющие дыры.

Пять или шесть ууков¹, в ладонь толщиной, еще носили следы искусной резьбы. А все остальные были самодельные: одни толстые, другие — как прутики, а несколько штук — ровные, без обязательного изгиба, копиями вонзались в шанырак.

На деревянной кровати с причудливо изогнутой спинкой валялось одеяло, сшитое из лоскутьев, а поверх него — какое-то жалкое тряпье.

¹ Ууки — изогнутые жерди, образующие купол юрты (шанырак) и соединяющие его с деревянными стенными решетками (кереге).

Есенгельды величественным жестом указал нам — занять почетные места. В центре корчились плохо выделанные шкуры — одна козлиная, две телячьи и еще — конская, но небольшая, снятая, должно быть, со стригунка.

— Отдыхайте, — сказал наш провожатый и вышел.

А мы трос, не в силах больше сдерживаться, с выпученными глазами катались по полу, зажимали ладонями рты, и уже слезы у нас катились от хохота, и мускулы живота болели, а мы все не могли остановиться.

Когда прошел этот неудержимый приступ, мои ребята отправились распрячь присмирившего мерина. А я от нечего делать снова принялся рассматривать юрту.

Первое впечатление не было обманчивым: былой уверенный достаток уступил место самой нищей нищете. Справа у входа на низкой деревянной подставке покоился старинный сундук, окованный железом. Рядом с ним — "кебеже", большой ящик для хранения посуды и всякой утвари. Кебеже был тоже старинный, местами сохранились следы костяной инкрустации.

Я не удержался, заглянул внутрь. Ящик был пуст.

На решетчатой стене висело седло. Его передняя лука, покрытая темным лаком, в

серебряных разводах, напоминала утиную голову. Такое седло когда-то стоило очень дорого. А сейчас... Если бы кому-нибудь, не дай бог, взбрело в голову затянуть подпругу или сунуть ноги в массивные стремяна, то полуистлевшие ремни расползлись бы от малейшего прикосновения.

Вернулись студенты. Они принесли наши вещи. Жесткие шкуры пришлось застелить черным одеялом, которое мы захватили с собой из техникумовского общежития.

— Хорошо... Мы так и будем одни? А где же хозяйева этого дома? — спросил один из них. Другой ему ответил:

— А вот... Видишь?

Лохматый пестрый пес нахально просунул морду в одну из дыр и, нимало не смущаясь нашим присутствием, собрался уже протиснуться сюда.

— Кет! — прогнал я его.

Мы условились с ребятами: поменьше разговаривать и стараться не выказывать своего отношения к тому, что происходит на наших глазах. Только так удастся получше разузнать, что же из себя представляет аул Жанбырши.

Снаружи донесся голос Есенгельды. Он крикнул кому-то:

Карашаш! Оу, Карашаш!.. В большой юрте у нас сегодня гости. Слышишь? Атеке велел, чтобы ты их обслуживала!

— Какие еще гости? Откуда они взялись? —
послышался ему в ответ густой женский голос.

Мы с опаской переглянулись. Что-то еще нам
предстоит перенести?.. Но ничего другого не оставалось,
как ждать.

К юрте приблизились шаги, закрипела дверь. Но это
опять был Есенгельды.

— В ауле, куда привела вас ваша дорога, —
наставительно сказал он, — не принято, чтобы гости сами
распрягали своих лошадей. Это забота хозяев.

— Спасибо. Не беспокойтесь, — почти подобострастно
ответил я, стараясь приладиться к их нравам. — Мы люди
молодые, как видите, мы и сами посмотрим за нашим
мерином.

Есенгельды тоном, не терпящим возражений, повторил:

— В этом ауле, который зовется Жанбырши, не
принято, чтобы гости сами распрягали своих лошадей и
ухаживали за ними.

Он удалился, и мы бы, конечно, снова залились, но нас
удержало появление пожилой женщины. Она переступила
порог тотчас вслед за тем, как юрту покинул Есенгельды.

Карашаш приветливо поздоровалась с нами — с
приезжими молодыми людьми, каждый из которых
годился ей в сыновья.

— Слава Аллаху, я не жалуясь на жизнь, — сказала она и тут же добавила: — Должно быть, привыкла... А потом — жалуйся не жалуйся, все равно ничего для меня не изменится. Но вы-то какими судьбами попали на это кладбище?

Как видно, Карашаш, в отличие от нас, не собиралась скрывать своего отношения к жителям аула Жанбырши, к укладу их жизни. И я понял: вот женщина, единственная, у кого можно поподробнее разузнать все, ради чего и предпринималась эта неблизкая поездка.

Ей даже намекать не пришлось на то, что нас интересует. Карашаш долго копила раздражение, и ей надо было выговориться.

— Не знаю, вы слышали или нет?.. — начала она. — В Жанбырши с древних пор живут торс ... Это их земля. Но сами они рукой не пошевелият, чтобы хоть царапнуть ее плугом. Считают, что и счастье, и достаток, и удача — все им от бога, свыше дано! Прежде тут с ними жили толенгиты². Тридцать семейств толенгитов. Они-то все и делали. А потом, вскоре после того, как переменилась власть, они все ушли. Стали жить отдельно. Колхоз у них... Вчера я ходила пригнать коров и видела: поля

¹ *Торе* — знатный род, происхождением от монголов; торс занимали в степи привилегированное положение. ² Толенгиты жили у торс и обслуживали их (толенгиты могли принадлежать к разным родам).

у них вспаханы, сеять начали. Разве плохо им? А наши!.. — Она безнадежно махнула рукой. — Из десяти мужчин ни одного нет, кто бы стал седлать своего собственного коня! Я уж не говорю — привезти дров, сена на зиму накопить... Руку не поднимут — паршивую козу зарезать. Даже если брюхо от голода совсем подведет! Все я делаю. Я дочь толенгита. Вот, осталась с ними, с этими живыми мертвецами.

Рассказывая это, Карашаш несколько раз выходила — она ставила самовар — и снова возвращалась. Я и раньше слышал о жанбыр-шинских торе, но не мог себе представить, что тут у них происходит теперь.

В окрестностях многие земли принадлежали им. Стоило кому-то из их рода появиться на свет или умереть не дома, — и это урочище в степи считалось принадлежащим торе. Таков был закон. Но на этих землях и колышка не было вбито их руками. Знатным людям не приличествовало трудиться. Все заботы брали на себя толенгиты. Они пасли скот и косили для него сено, они сеяли пшеницу и овес. И коней седлали они, когда кому-то из хозяев приходила мысль поехать на охоту, в гости или по делу. От былого благополучия осталась драная кошма. Но потомственная спесь — в крови у них...

Карашаш внесла огнедышащий самовар.

— Вскипел вот... — сказала она и, стараясь не встречаться с нами взглядом, предупредила: — Только угощать вас придется забеленным кипятком, молока-то я найду. А вот чаю... Поверьте, во всем ауле заварки нет.

Заварка была у нас. Узнав об этом, Карашаш повеселела и отправилась разыскивать чайник.

Чайник оказался под стать рваной кошме, ветхому седлу: по фарфору расползлись черные трещины, его стягивали жестяные полоски, и жестяная трубочка была приделана вверху отбитого носика. Десяток пиал. Разные цвета, и величина разная. Ясно, собирали по юртам.

Карашаш расстелила залатанную скатерть, а мы — поверх — кинули свое полотенце. Хорошо еще, что догадались захватить с собой хлеб, масло и сахар.

И вот, как только мы собрались не то пообедать, не то поужинать, дверь отодвинулась, и в юрту вошли мужчины. Входили они гуськом, соблюдая старшинство. Первым — Атеке. Он остановился возле меня с гордо поднятой головой, и по выражению его лица я понял, что опять занимаю не свое место.

Я тотчас приподнялся, чтобы пересесть, но старик движением своей сизой бороденки остановил меня:

— Так далеко не надо... Место рядом со мной принадлежит старшему из гостей.

Я остался. Зато мои ребята после всех перемещений очутились довольно далеко от меня. И, что важнее, — далеко от хлеба и масла.

Отсутствие зубов не мешало Атеке: масло вообще не надо жевать, а кусочки хлеба он отламывал и быстро отправлял в рот, делая всем телом глотательные движения. Все остальные аксакалы не уступали ему в проворстве, стараясь опередить один другого.

Мы трое выпили по пиале чаю, а на скатерти не осталось ни куска. И когда все исчезло, словно корова слизнула своим шершавым языком, Атеке нарушил молчание:

— Я должен сказать, что масло было свежее... Есть можно.

И опять слово в слово посыпались те же подтверждения, как будто ни у кого из них не было ни единой своей мысли, а все ждали, что изречет их аксакал.

— Атеке сказал правильно, — подхватил безусый, который устроился рядом со мной, только с другой стороны. — Масло было свежее. Есть можно.

— Я подумал: я сам и мои студентики — единственные, кому не пришлось в этом убедиться. Я подумал еще: а что же будет

дальше, но как-то не сообразил, что кусочки колотого сахара сиротливо разбрелись по скатерти.

— Грех на душе у того, кто, насыщаясь, забывает про детей и внуков, плоть от плоти своей, — сказал Атеке. — Побалую-ка я свою крошку... — Узловатыми черными пальцами он прихватил со скатерти три-четыре куса и сунул в карман.

— Атеке прав, как всегда, — согласился с ним безусый и тоже потянулся за сахаром.

Их примеру последовали и все остальные — и Есенгельды, и Кораш, и тот, у которого глаза заскочили на самые виски.

Скатерть опустела. Держа пиалы на самых кончиках пальцев, тере стали шумно потягивать пустой чай. Одна только Карашаш, устроившаяся у самой двери, испытывала неловкость от того, что гости остались голодными.

Несколько раз я порывался выйти к своему коню, но меня останавливал знаток и хранитель обычаев — Есенгельды, он повторял, что забота о лошадях гостей в их ауле всегда лежит на хозяевах. И я вынужден был усаживаться обратно, хоть мой вороной по-прежнему стоял на привязи, голодный, как мы. А Атеке, которому надлежало расспросить, с чем я приехал в аул, тоже молчал, прислушиваясь к бурчанию в животе.

Карашаш зажгла лампу. Стекла не было, и фитиль тускло чадил. Ветерок, пробивавшийся в юрту сквозь бесчисленные дыры, время от времени пригибал пламя, и тогда становилось совсем темно. Огонек выпрямлялся снова и бросал беспокойные отблески на лица хозяев. Они казались мне неживыми.

Да, их вполне можно было принять за мертвецов, тем более что ни один не произносил ни звука, и в юрте стояла могильная тишина. Мне стало не по себе, как в страшной сказке.

Но тут Атеке поднял голову и откашлялся.

— Время идет, — сказал он. — Для гостей, которых мы сегодня принимаем в большой юрте, надо бы заколоть барана.

— Как всегда, мудр Атеке, и, как всегда, он самый верный хранитель законов гостеприимства, доставшихся нам в наследство от славных предков, — поддержал его безусый. — Для гостей, которых мы сегодня принимаем в большой юрте, надо бы заколоть барана.

Эту же мысль повторил и тот, с глазами на висках, чье слово звучало как призыв к действию.

Я попытался возразить, — зачем лишние расходы... Но никто не посчитал нужным обратить внимание на мой робкий протест. И я замолчал, соображая, что поесть мяса — совсем

не плохо. Утром, собираясь в дорогу, мы завтракали наспех.

Но до ужина было далеко, как до Борового. Все они снова замерли, исполненные чувства собственного достоинства. Они были просто набиты этим самым достоинством, как коржун — протухшим мясом, не успевшим хорошо проявиться.

Но если нам — гостям — ничего не оставалось, кроме как терпеть, то Карашаш прямо-таки кипела и наконец взорвалась.

— Если уж решили колоть, то почему они медлят? — сказала она, ни к кому не обращаясь впрямую. — Сказать сказали, а сами сидят, будто задами приросли к земле. О аллах! Аллах всемилостивый! Ты видишь?.. Избавишь ли ты когда-нибудь их от проклятых привычек?! Ведь живые же люди все-таки, а не мертвецы!

Она вскочила и вышла из юрты. Следом за Карашаш выскочил и пестрый пес, который отирался тут же в юрте, без всякой надежды чем-нибудь поживиться.

Но несдержанность женщины не могла поколебать достойного спокойствия мужчины. Атеке выждал еще какое-то время, прежде чем вымолвил свое решение:

Я вижу смысл в словах Карашаш, хоть она и сказала их сгоряча. Время идет... Если уж надумали колоть, то надо колоть.

Как эхо в горах, откликнулись двое из наиболее почитаемых аксакалов. Но никто и не подумал сдвинуться с места, чтобы совершить намеченное.

Карашаш знала, что делать: она принесла и сбросила возле очага охапку дров, во второй раз появился закопченный казан, в третий — треножник. А между делом она продолжала тормошить своих хозяев.

— Ну, скоро ли?.. Чью овцу будете колоть? Надо же еще пригнать ее, — говорила она, а стоило ей выйти наружу, как оттуда доносились ее причитания и брань.

Но решить — чью, было не так-то просто.

— Есенгельды! — повелительно сказал Атеке. — Что же ты молчишь? У вашей бабушки есть овца, серая... По-моему, эту серую овцу и надо пустить в казан.

Дважды повторяются — справа и слева — его слова, и Есенгельды молча поднимается со своего места и выходит. В юрте снова тишина — тишина ожидания. С улицы доносится всхрапывание моего бедного вороного, который, видимо, уже совсем отчаялся получить хоть клоч сена, не говоря уже о торбе овса.

Вернулся Есенгельды. Он сел на свое место и только тогда обратился к Атеке:

— Айша-келин говорит: серая овца вот-вот должна принести ягненка... И грех совершит всякий, кто поднимет нож на такую овцу, в такое время.

— Айша-келин знает, — подтвердил Атеке. — Это действительно грех. Не сегодня, так завтра серая овца должна окотиться.

Приятная возможность полакомиться свежим мясом все же оживила хранителей древних устоев. Очевидно, поэтому Атеке значительно сократил время мудрых размышлений.

— Сделаем так: приведи черного ягненка из дома Канши-женгей. Ягненок этот из самых ранних, его вполне можно пустить под нож.

Нетерпение, наверное, овладело и Есенгельды. Он поднялся, не дожидаясь, пока безусый и глазастый подтвердят мудрость Атеке, и их слова раздались, когда он переступил порог юрты. И вернулся — значительно быстрее, чем в первый свой уход.

Но и сейчас поход оказался безуспешным. Есенгельды мрачно сказал:

— Айжан-келин меня встретила... Она говорит, — в пятницу исполняется ровно год со дня смерти Канши-женгей. Айжан бережет барашка, чтобы было чем помянуть достойную женщину.

— Да, да, — сокрушенно сказал Атеке. — Айжан права...

Он снова задумался, но голодный желудок заставил его мысль работать отчетливее и быстрее. Атеке тут же сообразил, кого можно принести в жертву гостеприимству.

— Хватит пустых разговоров! — решительно сказал он. — От разговоров наш казан не наполнится! Есенгельды, приведи нам серого козла, который принадлежит Кареке.

Время перевалило за полночь, когда снаружи дурным голосом закричал упиравшийся козел Но Есенгельды был полон решимости — и, кажется, наш ужин из мечты становился действительностью.

Козел этот, которого я не мог видеть, густым тяжелым запахом дал знать о своем приближении. Значит — невыхолощенный... Производитель. Простой смертный мог бы задохнуться, что со мной чуть было и не случилось. Другое дело — потомки ханов. Ноздри их, надо полагать, были устроены как-то по-другому. На запах они не обращали никакого внимания. Глаза у них горели, они шумно проглатывали слюну. Дай сейчас каждому из них по козлу, и они справятся с ним живьем, и костей не останется.

Возникла еще одна помеха. Ни у кого не оказалось достаточно острого, надежного ножа.

Атеке хорошо помнил, в каком доме есть какой нож, но посланный Есенгельды вернулся ни с чем.

Один из моих товарищей по несчастью, выведенный из себя долгим нудным сидением, голодом, зловонием, исходившим от козла, быстро вскочил с места, выхватил нож и ткнул им в сторону Есенгельды.

— Вот... Возьмите, — вежливо сказал он, хотя я по его глазам видел, с каким наслаждением он послал бы всех торе к шайтану, а сам поскорей бы исчез из аула Жанбырши.

Только под утро серый козел вновь явился к нам, но уже в сваренном виде, в корыте. И тут же следом вошли женщины — их было не меньше десяти.

Каждая из них вела с собой девочку. Да, почти все дети у них были девочки. Я заметил только двух мальчишек. Разбуженные среди ночи, дети зевали, терли глаза. Вид у них был хилый. Тот же древний закон, которого так строго придерживались в Жанбырши, повелевал хранить чистоту знатного рода, и потому браки здесь заключались почти всегда между близкими родственниками. На детей жалко было смотреть.

Женщины с вождением принюхивались к запаху мяса. Но ведь козел, как известно,

своими размерами значительно уступает быку... Вряд ли одним козлом накормишь такую ораву.

По праву старшего, Атеке взял голову, отрезал одно ухо и передал его мне, а всю голову положил перед собой. Безусый бородач отрезал с тазовой кости небольшой кусочек мяса — для меня, а всю кость тоже оставил себе. Остальные — тоже хватали куски, подходящие им по положению. Остатки мяса крошились над корытом, но как-то не успевали туда попасть. Они на лету кем-то подхватывались и тут же безвозвратно исчезали.

Угощение проходило с такой быстротой, что времени заняло не много. Наши хозяева запили козлинное мясо сурпой¹, передали детям обглоданные кости и, пожелав нам спокойной ночи, разошлись по домам.

Юрта опустела.

Мы еще немного побеседовали с Карашаш. Добрая женщина сокрушалась, что мы ляжем спать голодными.

Но мы вовсе не собирались ложиться спать. Не дожидаясь, когда сам Атеке сочтет возможным поговорить с нами о деле, и нарушая обычай, по которому гости в Жанбырши не могут сами заниматься своими лошадьми, мы пошли запрягать вороного мерина.

Мы не просто уехали. Мы бежали. Бежали на простор степи из этого аула, превратив-

¹ Сурпа — бульон.

шегоя в живое кладбище, бежали от высокомерия и тупости этих людей.

— Ой-бай! — воскликнул один из моих парней. — А сколько же времени нужно, чтобы в этом ауле произнесли хоть одно дельное слово?!

— Это еще что! — добавил второй. — А сколько времени пройдет, пока слово, сказанное с такой важностью, превратится в дело?..

Я молча слушал их. Я возмущался несправедливостью истории. Сколько же веков, сколько бесплодных веков потеряли мы, казахи, пока такие торе правили нами?

...Сообщение, которое я на следующий день сделал секретарю райкома, было предельно кратким.

Я сказал:

— Аул Жанбырши владеет, землей, на которой свободно разместится десяток колхозов. Но в самом ауле Жанбырши есть только один человек, который может работать в колхозе. Это женщина по имени Карашаш, дочь толенгита.

— Вот как? А куда же мы денем остальных?

Я был молод тогда и ответил:

— Ну, не знаю. Но гам — им не место.

Секретарь райкома задумался.

1956 г

СОДЕРЖАНИЕ

Зов жизни. Рассказ. Пер. В. Мироглова.....	3
Сказание об орлах. Рассказ. Пер. С. Куспанот	15
Этнографический рассказ. Пер. А. Белянинова.....	34

Серия «Библиотека казахской прозы» Габит
Мусрепов ЗОВ ЖИЗНИ
Рассказы
(на русском языке)

*Редактор Б. Ильясова Художник В. Логинов Худ.
редактор Ш. Байкенова Техн. редактор С. Бейсенова*